

Дискурсивные особенности цифрового пространства в Республике Корея и КНДР

Котов Ярослав Викторович,

студент

ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет»

Россия. Владивосток

E-mail: graymoth11@yandex.ru; Тел. +79941051290

ул. Державина, 59, г. Владивосток, Приморский край, Россия, 690014

Статья посвящена сравнительному анализу дискурсивных практик цифрового пространства Республики Корея и КНДР. Рассматриваются лингвистические стратегии формирования идентичности, механизмы контроля и цензуры, а также цифровой активизм.

Ключевые слова и словосочетания: цифровой дискурс, Республика Корея, КНДР, идеологические маркеры, цензура, цифровой активизм, неологизмы, конглиш.

Актуальность. Современное цифровое пространство выступает не только как среда коммуникации, но и как арена идеологической борьбы и конструирования реальности. Особый интерес в этом контексте представляет Корейский полуостров, где две страны с общей историей и языком демонстрируют диаметрально противоположные модели цифрового дискурса. В то время как Республика Корея интегрирована в глобальное информационное пространство и активно использует цифровые технологии для развития экономики и «мягкой силы», КНДР создала изолированную интранет-сеть, полностью контролируемую государством. Как отмечают исследователи, «Северная Корея использует глобальный интернет в качестве официального пропагандистского средства» [4, с. 1]. Актуальность исследования обусловлена необходимостью понимания того, как различные политические и социальные системы формируют языковые и коммуникативные практики в эпоху глобальной информатизации, а также потребностью в прогнозировании межкорейских информационных взаимодействий.

Научная новизна. В работе впервые системно сопоставляются лексические и дискурсивные маркеры цифровых сред РК и КНДР на едином синхронном срезе (2023–2025 гг.). Новизна заключается: 1) в выделении гибридных форм (конглиш) как маркера глобализации южнокорейского дискурса; 2) в выявлении устойчивых идеологем северокорейского цифрового пространства, выполняющих сакрализующую функцию; 3) в классификации типов цифрового активизма в РК и его полного отсутствия в КНДР; 4) во введении понятия «управляемая утечка» (managed leakage) применительно к информационной политике КНДР [8, с. 2].

Цель и задачи. Цель исследования – выявить и систематизировать дискурсивные особенности цифрового пространства Республики Корея и КНДР, а также определить лингвистические маркеры, отражающие государственную идеологию и общественные настроения. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: 1) провести анализ лексического состава новостных порталов и пользовательского контента двух стран; 2) изучить стратегии управления информацией (цензура, самоцензура, пропаганда); 3) оценить

роль пользовательского контента в формировании дискурса; 4) сравнить степень интерактивности и направления коммуникативных потоков.

Методы исследования. Методологической основой послужили труды отечественных и зарубежных лингвистов в области дискурс-анализа (Т. ван Дейк, М. Фуко), а также исследования корейских медиа (Чон Хён Чжун, Ким Ён Хи). Применялись методы контекстуального, семантического и сравнительного анализа, а также элементы количественного подсчета частотности идеологем. В работе использован стилометрический анализ журналистских текстов двух корейских государств, позволяющий выявить, что «национальная принадлежность определяет стилистические характеристики текстов в большей степени, чем тематика» [9, с. 3].

Полученные результаты. Цифровое пространство РК характеризуется высокой степенью интерактивности и либерализации. Ключевая лексическая особенность – активное использование «конглиша» (Korean English) – гибридных образований и прямых заимствований. В РК широко распространены неологизмы, описывающие новые социальные явления: «소확행» (sohwaenghaeng – «маленькое, но верное счастье»), «혼밥» (honbar – «одинокий обед»), а также «아싸» (assa – «социально неловкий человек»). Феномен «KKultok» (꿀떡 – «медовый токен») связан со стратегией мягкой силы и культурной дипломатией.

Особого внимания заслуживает феномен цифрового активизма в Республике Корея. Как отмечает Юн Соньи, «с 2000-х годов цифровые платформы обеспечили сетевое, индивидуализированное участие, изменив политическую вовлеченность» [7, с. 14]. Примерами служат протесты против импичмента 2004 года, «свечные» демонстрации 2008 года и движение за импичмент 2016–2017 годов, которые демонстрируют переход к «гибкому, децентрализованному активизму» [3, с. 4]. Анализ комментариев на Naver показывает высокую эмоциональную вовлеченность, однако существует и самоцензура, вызванная культурными нормами «сохранения лица» (кельён).

Дискурс КНДР, напротив, строго централизован и изолирован от глобальной сети. Основной дискурс формируется государственными агентствами и распространяется через интранет «Кванмён». Анализ текстов «Rodong Sinmun» позволяет выделить устойчивые идеологемы: «수령님» (Suryeong-nim – «Вождь»), «주체» (Juche), «선군» (Songun). Эти лексемы выполняют сакрализующую функцию и не имеют нейтральных синонимов. Для описания достижений используется гиперболизированная лексика: «전설적인» (легендарный), «기적» (чудо).

Исследователи отмечают, что «информационный контроль в Северной Корее действует как динамическое институциональное равновесие, поддерживаемое бюрократическими стимулами и селективной толерантностью к нелегальным информационным сетям» [8, с. 2]. В рамках этого равновесия возникает феномен «управляемой утечки» (managed leakage): «северокорейские власти разрешают ограниченное распространение иностранного развлекательного контента, сохраняя при этом строгий контроль над политически чувствительной информацией» [8, с. 3]. Отсутствие горизонтальных связей между пользователями и невозможность обратной связи превращают цифровой дискурс КНДР в монолог власти.

Важным аспектом является изучение воздействия дипломатических событий на цифровой дискурс. Исследование Шина Хунджуна с соавторами показывает, что «дипломатические саммиты могут оставить краткосрочный, но устойчивый отпечаток на том, как противник воспринимается в онлайн-дискурсе»: сдвиг от угрозо-ориентированного к дипломатическому фреймингу оказался устойчивым даже после провала последующих переговоров – «восстановлению подверглось только 39% изменений» [10, с. 2].

В области межкорейского языкового расхождения Саймон Барнс Сэдлер применяет методы цифровых гуманитарных наук и стилометрии, демонстрируя, что «стилистические расхождения между южнокорейскими и северокорейскими журналистскими текстами систематичны и могут быть количественно измерены» [9, с. 4]. Эти расхождения касаются не только лексики, но и синтаксических структур, частотности определенных грамматических конструкций и риторических приемов.

Современные исследования также акцентируют внимание на использовании Северной Кореей интернета для внешней пропаганды: «Северная Корея использует интернет для внешней пропаганды, дипломатических функций и контрпропаганды. Количество веб-сайтов, работающих непосредственно с серверов в Северной Корее, неуклонно растет» [4, с. 2]. Однако, как отмечается в том же исследовании, «информация в интернете, управляемая Северной Кореей, не пользуется успехом у пользователей и отстает по контентной конкурентоспособности из-за ограничений доступа и ожесточения информации» [4, с. 3].

Выводы. В результате исследования установлено, что в РК цифровой дискурс децентрализован, динамичен и ориентирован на диалог. Лексика открыта к заимствованиям и гибридизации, что отражает ценности неолиберализма и индивидуализма. Цифровой активизм в Южной Корее прошел эволюцию от организованных движений к сетевым формам участия, что создает как новые возможности для политической вовлеченности, так и вызовы для социальной интеграции. В КНДР дискурс централизован, статичен и насыщен идеологическими штампами, исключая вариативность. Информационная политика КНДР представляет собой сложное институциональное равновесие, сочетающее жесткий контроль с селективными уступками. Если в РК англицизмы символизируют прогресс и глобализацию, то в КНДР их отсутствие является маркером «чистоты» и суверенитета. Дискурсивные особенности прямо отражают политические режимы двух корейских государств. Перспективы дальнейших исследований связаны с анализом влияния южнокорейского цифрового контента на формирование подпольного дискурса внутри КНДР, изучением стилометрических различий между языковыми вариантами двух стран, а также с анализом изменений в цифровом дискурсе в контексте дипломатических процессов на Корейском полуострове.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / пер. с фр. А. Качалова. – Москва: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. – 240 с.
2. Ван Дейк Т.А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. – Москва: Либроком, 2013. – 344 с.
3. Юн С. Гражданские организации и цифровой активизм: вызовы социальной интеграции в Южной Корее // Журнал политики будущего. – 2025. – Т. 15, № 1. – С. 57–88.
4. Ким Дж. Статус доступности и характеристики интернет-информации Северной Кореи: акцент на информации, ограниченной для внутреннего использования // Корейский журнал коммуникации и информации. – 2022. – Т. 112. – С. 1–25.

5. Дорофеев Г.А. Традиционные и современные риски в информационном пространстве современной международной политики // Интеллектуальный потенциал университетов для развития Дальневосточного региона России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона: Материалы XXVII Международной научно-практической конференции. – Владивосток: Издательство ВГУ, 2025. – Т. 1. – С. 59–62.
6. Сэдлер С.Б. Цифровой гуманитарный подход к межкорейской языковой дивергенции: стилометрический анализ журналистских текстов Республики Корея и КНДР // Корейские гуманитарные науки. – 2023. – Том 9, № 2. – С. 1–20.
7. Шин Х., Мун Х., Сингхал М. Как дипломатия меняет онлайн-дискурс: асимметричная устойчивость в онлайн-освещении Северной Кореи – 25 с.
8. Ли С. Контроль информации в закрытых государствах: институциональная адаптация и управляемая утечка информации в Северной Корее // Корейский журнал анализа обороны. – 2024. – Том 36, № 2. – С. 1–18.
9. Стратегии преодоления цифрового разрыва в образовании между Южной и Северной Кореей после объединения // Журнал образовательных технологий. – 2011. – Том. 27, № 3. – Сп. 509–538.
10. Нах С. (ред.). Расположение Северной Кореи в коммуникационных исследованиях. – Абингдон; Нью-Йорк: Рутледж, 2025. – 171 с.